Автор: admin
19.12.2013 12:40 -

Бухта Евстафия, Глава 10

Тропа круто вывела на невысокий и жаркий перевал, резко выделяющийся в сочном широколиственном лесу, длинномерный дубняк создавал непроходимую яркую чащу по крутым склонам сопки. Спустившись вниз, Бакунин вышел в совершенно иную долину, на край земли, где натянута между сопок полоска моря.

В знойном воздухе, насыщенном настоем трав и листьев, звон цикад. Со стебельков растений осыпаются насекомые, вьется мелкая мошка, ворочаются в чашечках цветов пузатые шмели, звонкие «барабанщики» с полосатыми осиными брюшками, зеленые клопы выставляют геральдику спинок, разноцветная моль кружит среди шапок пахучей таволги. Синие махаоны шевелят черными крыльями, собравшись вокруг подсохших луж в тени. На тропу вываливаются из кустов таволожки роскошные букеты цветов вьющегося ломоноса, словно белые строгие звезды.

Одежда до пояса испачкана цветочной пыльцой, но дыхание ровное и походка устремленная, Мишель раздвигает бедрами кусты пионов. В густой траве красные зевы тигровых лилий, куртины свежайших желтых саранок, белая кровохлебка клонит мохнатые головки насторону. К сопке в пойме среди одиноко стоящих курчавых дубков порхнули голубые сороки. Луговина в куртинах сиреневых ирисов. Серой молнией повис над цветущей долиной жаворонок.

Бакунин вышел к давно заброшенной дороге, проросшей по колее деревьями. Суровый распадок с вековыми лиственницами со следами пожара на стволах среди дубняков, и ниже по странной дороге - черный ольховый лес. Белка, бегущая по земле. Проселок, теряющийся в деревьях, сдохшие от жары черные кузнечики и следы оленьих копытцев. Дикий голубь рассекает пространство грудью, повернув голову в сторону странника. Бобовое дерево со стручками густо пахнет на солнце.

Весь лес в разбитых до корней деревьев тропках и пропах коровьим дерьмом. В двух милях от устья речки Чиндауза, образующей широкую низменную долину, Бакунин прошел мимо несколько убогих фанз китайских отходников, занимающихся сезонными заготовками морской капусты и содержанием свиней в загородках, которых кормят отварной рыбой, вылавливаемой тут же, в бухте. Невдалеке кочевая стоянка пастухов с загоном для бычков – она пуста.

На берегу кусты шиповника цветущие, словно перина, наброшенная на монотонный гул прибоя. Бухта невзрачная, изнутри кажется овальной чашей с хорошей глубиной. Шкуна, ушедшая в Ольгу заберет Мишеля в этой бухте.

Следы ног взрыли песок, перемешав его с галькой, весь берег истоптан. Мишель насторожился, одиночество не было полным - где-то ворон блуждает в густой пелене тумана, повисшего над водой, его карканье наполняет тишину. Противоположные обрывистые берега высвечиваются как каменные подошвы атлантов, подпирающих туман. Волна из залива накатывается немолчным гулом, успокаивается мелководьем и водорослями, вздыхая широкой грудью в оголившихся камнях отлива. Прибой гладит

полоску песка, по ней не спеша, ходит трясогузка, спокойно поглядывая на волну старательницу. Посмотрела ядрышком черного глаза на тяжелую фигуру уставшего бродяги.

У крутого загиба берега, в песчаный высокий бар волна как в широкой чаше бьет в черный шлейф водорослей, а на просторной лесной поляне стоят жалкие балаганы и чумы местных туземцев. Летние жилища – наземное каркасное корьевое сооружение из жердей с вертикальными стенами, с двускатной крышей, покрытой еловой корой и конические берестяные чумы, служат временным жильем.

Мишель, подошедший к очагу, заметил среди туземцев молодого русского парня, в котором угадывался городской разночинец. Звали его Евстафий, он совершенно слился с кочевой жизнью туземцев, почти не отличаясь в одежде от них. Отрезанный ломоть русского народа, могиканин, ушедший от цивилизации и говорящий на чуждом аборигенам языке, семантика которого не понятна им, как и тоска по образам России, недавно пришедшей в этот край.

Мишелю уступили место на ошкуренных и стесанных бревнах, пентаграммой выложенных вокруг очага, служащих лавками. Одежда у тадзов – китайского типа: распашные халаты из ткани покроя кимоно, левая пола скашивалась от шейного выреза к правой подмышке и крепилась застежкой на три пуговицы с правой стороны. Рукава длинные, суживаются к концам. Борта, шейный вырез, подол и полы орнаментированы. Одежда у многих из выделанных шкур животных и рыбьей кожи, расшитыми кусочками тканей. У тадзов не принято стричь волосы. Мужчины заплетают их в одну косу чохчо, женщины – в две патучи. Серебряные браслеты носят как женщины, так и мужчины. Тадзы разошлись, осталась очень худощавая старуха, её заплетенные косы обмотаны красным шнуром, в них вплетены нитки бисера и бляхи из металла в виде свастики в круге, лицо и руки покрыты смуглыми коричневыми морщинами, в ушах и носу серебряные сережки. Она попыхивает, потягивая табачный дым из длинной трубки, другой рукой держит, покачивая, ребеночка с круглыми вишенками черных глаз. В ногах у Мишеля присел худощавый Евстафий с открытыми загоревшими запястьями рук, свободно лежащими на коленях.

На огне варится в большом котле пища, и чай кипятят в двух чайниках тянки. На сковородах старуха нажарили корюшки из стоящей рядом ярко пахнущей рыбой плетеной корзины. Запах, словно свежий огурец, которым пропах прибрежный песок, где корюшка обильно выбрасывалась на берег бухты во время нереста, и которую тадзы вылавливали, затягивая невод за прибойной волной.

Старуха спросила «не купец ли» - Мишель. На отрицательный ответ промолчала, вытащила изо рта обкуренную трубку, сплюнула за спину желтоватую слюну, а чубук сунула в ротик закричавшему ребенку, тот сделал пару затяжек и затих. Спросила снова - «нет ли у него прессованного табаку или чая». Вновь потеряла интерес к гостю, молча поставила перед ним низенький столик дэрэ со сковородой, полной жареной корюшки, две чашки моко и один из чайников, удалилась легкой походкой с внуком на руках, оставив Мишеля с Евстафием наедине.

Евстафий рассказал кое-что о вкусовых пристрастиях аборигенов края.

Традиционная пища – рыба. Из нее варят окто, суп, заправленный юколой, перцем или черемшой улэты. Кусочки отварной рыбы едят с ягодами и заливают нерпичьим жиром или, размяв в руках, смешивают с мелконарезанными головными хрящами кеты или горбуши и приправляют черемшой. Особенно популярна тала – мелко нарезанная сырая

кета или горбуша, ленок, таймень. Из лососевых готовят юколу, снимая с каждой стороны 4-5 тонких слоев филе: вялят на солнце, реже коптят и едят сырой, вареной и жареной. Любят улаты – кусочки вареной юколы, приправленные перцем и черемшой. Красную икру сушат. У русских научились коптить и солить рыбу. Китайцы, их основные соседи, едят пищу в основном с солеными соусами.

Мясо едят сырым, отварным, жареным, мороженым, вяленым. Собачье мясо служит ритуальной пищей. Наиболее вкусным считается сердце, печень сохатого, медведя, а сырой костный мозг - лучшее угощение. Приготавливают студнеобразные блюда из разваренной мездры с лосиной шкуры, рыбьей кожи.

Важное значение у туземцев имеет собирательство: заготавливают голубику, клюкву, красную и черную смородину, ягоды лимонника и винограда, черемшу, молодые побеги папоротника орляка, клубни сараны. Из ягод черемухи пекут лепешки ияа, десятки съедобных трав и корней потребляют с рыбными супами и мясной пищей, варят двустворчатых моллюсков. Лакомством считается чумиза, фасоль, их покупают тадзы у маньчжурских и китайских торговцев.

Поев, Бакунин заинтересовался жилищем кава туземцев. Вместе с Евстафием они подошли к скромным жилищам. Догдо, с почти европейским по русским понятием обликом – сухощавый, с серыми глазами, несколько сведенными к тонкому носу с горбинкой, - вступил в разговор с русскими. Язык тадзов и облик напоминает алтайские народы, среди них можно видеть мужчин и женщин с красивыми лицами, в отличие от широкоскулых лиц монголоидных народов, маньчжуров и северных китайцев манз. А наличие карликов среди них указывало на древнее происхождение народа.

Юго-западный путь завоеваний монголов с Востока привел к движению малым и большим кругом множество народов, напор на тюрок - на запад и север, а народов Алтая –к перемещению на северо-восток и восток. Это как завихрения тайфунов.

Все члены общины, состоящей из семей различной родовой принадлежности, были связаны родственными брачными отношениями. Одной из форм заключения брака был взаимный обмен сестрами, бытовал левират. Заботу о воспитании детей брали на себя не только родители, но и дядя по матери. Распространены неравные по возрасту браки, многоженство, сохранялись родовая и общинная взаимопомощь, межродовые суды, кровная месть.

Из-за спины раскурившего трубку Догдо поглядывали, на короткое мгновение подняв на пришельцев глаза, подростки, в большинстве своем помеси с манзами, низкорослые и с лицами, напоминающими круглые сковородки - луноликие, как говорят китайцы.

Внутри жилища, вдоль стен – дощатые нары дамои, спали на которых изголовьем к стене, укрываясь одеялом из собачьих шкур, и располагался двухъярусный помост из жердей для хозяйственных целей. На жердях, подвешенных к потолку, сушили одежду, приготавливали юколу. По стенам висело снаряжение для охоты, лук со стрелами, нескольких ножей и сумочек паду для мелких вещей, в углу - копья. Утварь стояла в пристройке ко входу и была в основном берестяная: ведра куккэ, прямоугольные короба для хранения посуды, солонки капту, ковши, туеса кондже. Из дерева изготавливают блюда, ложки уня. Металлическую посуду тадзы покупают.

Накрывший стоянку туман скрыл постройки. Русские соотечественники вернулись к очагу, где неторопясь готовила пищу, помешивая в котле половником своей изящной рукой в серебряных браслетах, молодая красивая женщина с золотой сережкой в левой ноздре. Она доброжелательно улыбнулась. Одета в щегольский халат и короткие

женские штаны с малым нагрудником дыба, на ногах короткие ноговицы из ткани на вате. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать, в правой руке она держала давешнего ребеночка.

Из тумана к очагу вышел молодой туземец с длинной китайской фитильной фузией в руках. На голове орнаментированная шапочка с беличим хвостом на макушке, одетая на матерчатый шлем, закрывающий шею, ниспадающий на плечи, хорошая защита от комаров и мошки. У мужчины на поясе висели ножи, кресало, трут, пороховница. На ногах ичиги и длинные ноговицы из рыбьей кожи ойи, и ровдуги носама амусю поддерживались специальным пояском тэлэ. За спиной охотника - носилки сина, вилообразная рогулька, к концам которой прикреплялись плечевые лямки для того, чтобы нести с собой припасы, и мясо убитого зверя.

Молодой тадз, приветствуя свою жену, кивнул Евстафию и его крупному гостю, положил ружье на скамью, неторопливо освободился от ноши, оказавшейся убитым барсуком. Снял с головы шлем и взял на руки сына, нежно потерся носом с ребенком, тот радостно закряхтел, уцепившись за серебряную серьгу в ухе отца. Муж не намного старше жены, ему лет шестнадцать. Семейные нежности и объяснения с женой продолжались достаточно долго, словно они встретились после разлуки, хотя на самом деле расставались всего на два дня. Тадзы никогда не охотились рядом со своим станом. Жена поставила перед ним столик дэрэ с чашкой, и пока Канкэ пил чай, освежевала принесенного зверя. Достала кровоточащую печень и, держа ее окровавленными руками, предложила угощение гостям и мужу. Парень ножом отрезал сырую печень и с удовольствием, прожевывая, глотал кусками. Русские отказались, нисколько не обидев хозяев. Поев, Канкэ достал из-за пазухи трубку и кисет с табаком, закурил. Бакунин, большой любитель табака, закурил вместе с ним. Вместе с Евстафием Мишель выслушал пространный рассказ молодого тадза о том, как у пастухов этой ночью тигра задрал бычка, и мужики собрались на охоту, но Канкэ отговорил их, обещал устроить камланье, отогнать тигра и убить для русских изюбря.

По народным представлениям аборигенов земля – это огромная лосиха, имеющая восемь ног, хребет ее – цепь гор, шерсть – деревья, пух – трава и кустарники, паразиты в шерсти – звери, а вьющиеся вокруг нее насекомые – птицы. Тигра почитали как священного зверя, его никогда не убивали, он – предок одного из родов. Существуют мифы о тигре – помощнике верховного божества боа или старике эндури. Другим персонажем туземного пантеона является медведь, у которого много параллелей с ролью тигра. Хозяин медведей и хозяин тигров живут на лунной земле, где каждый имеет свою половину территории. На тигровой половине луны живут души людей и животных, а на медвежьей только души людей. Жены медведя и тигра вскармливают души умерших, чтобы они снова ожили в виде детей, и посылают их на Землю. Значительное место в мифологии занимают мифы о духах-хозяевах зверей, рек, моря, главным из которых является морская старуха тэму.

Жизнь и поведение туземцев в обществе и в природе регулировала система религиозных верований и запретов, в которой весь мир предстоял населенным добрыми и злыми духами, у них просили удачи, принося жертвы. Существовал культ огня с рядом запретов. Нельзя было плевать в огонь, бросать в него что попало, прикуривать от него. Весьма почитались Тэму – хозяин (или хозяйка) водной стихии и касатка – священное животное, имеющее власть над морскими зверями и рыбами. Известны были и другие духи – хозяин скал каггаму, хозяин грома и погоды агди эзэни. Космос представлялся

состоящим из Верхнего, Среднего и Нижнего миров. Творец Верхнего мира буа эндури – верховное божество, управляющее вселенной с помощью множества помощников.
В шаманской традиции аборигенов главное место занимает ритуальное пение шамана йайа, которое сопровождается "магическим" звучанием бубна унту и набора конусных подвесок на специальном поясе сиса. Церемониальная музыка, звучавшая на медвежьем празднике, включала инструментальные наигрыши, исполняемые на ударном бревне узазинки в сопровождении скандированных напевов. Музыкальные инструменты: дудуманку – однострунный смычковый лютневый, пупан – тальниковая свистковая флейта, тэнкэрэ – тростниковый духовой язычковый, муэнэ – дуговой металлический варган, кункай – пластинчатый бамбуковый варган, конокто – бубенчик, каухаракта – колокольчик, ачиан – пластинчатые металлические подвески-погремушки, пэайа – круглые подвески-погремушки, лэли – набор разнообразных подвесок-погремушек на женском переднике
Посредниками между людьми и хозяевами Нижнего и Верхнего миров или между людьми и духами были шаманы, как мужчины, так и женщины, если им во сне являлся дух умершего шамана. Каждый шаман имел своего личного духа-покровителя и множество духов-помощников. Ритуальной одеждой и предметами культа служили бубен с колотушкой, пояс с погремушками, юбка хосэ, а к спинке халата прикрепляли крылья орла или другой птицы. На шаманскую одежду наносили изображения духов-помощников: змей, червей, лягушек, ящериц, птиц, рыб, аналогичные фигуркам на бубнах, колотушках. Шаманы делились на добрых и злых: верили, что злой шаман амба самани поедает души зверей и людей.
А раньше здесь была страна с множеством процветающих городов и правильной сетью дорог, от которых остались земляные валы четырехугольных укреплений на горном плато и побережье. В глухой тайге каменные колодцы, поднятые над уровнем рек террасы полей, не затопляемые во время наводнений, дороги по горным склонам, заросшие многовековыми кедрами, елями и пихтами.
Допоздна, когда погасла заря за темными горами и небо высветили многочисленные звезды, русские слушали легенды аборигенов.
« ...Золотая империя чжурчжэней собрала со всех окрестных народов рабов, охотничьи селения соединив дорогами, дальних превратив в ближних, распахав лесные поляны и введя порядок производства и потребления, новую одежду, регламентировав каждый поступок и обезличив каждого работающего. Чтобы создавать маленькое богатство для большого государства, чтобы заставить людей непрерывно работать сообща, нужно каждого по отдельности разъединить, дать со стороны приказ, и снова собрать вместе, - разобщенные, они уже не заботятся о том, что им делать, лишь бы делать, а причина интенсивной работы найдется, хотя бы страх голода. И Золотая империя стала золотой. Теперь рабы боялись всякого конного, появляющегося с того конца дороги, где власть построила пышные города. Чиновники уже не удовлетворены ни прекрасными лошадьми, ни богатыми колесницами, они же богаты! Их уже носят в носилках в сопровождении пышных верховых.
Где они, с осторожными манерами и благообразными лицами, с засученными рукавами одежд, на лесных дорогах в глубине сопок. Где их кони? Где их свита? Вот и приходит на мысль «Маленькое богатство для маленьких воров, а придет Большой вор, – он возьмет все, для него припасенное, всю Золотую империю». И понесутся по ровным дорогам орды мрачных всадников, уже неизвестно во что одетых, смесь дикости и

праздности напялив на себя, озлобленных рабством и не знающих жалости. Они заставят в осажденных городах жрать человечину. Огнем выжгут эти всадники поля, столь кропотливо возделанные рабами, пустят по ветру правильные поселения, и их стрелы разгонят оставшихся в живых. Они, испытавшие рабство и унижение, поднявшие красные штандарты свободы, не нуждаются в рабах, только в безграничных пустых пространствах, которые населят новой расой свободных людей, своих потомков. Они, взявшие все и утолившие свои обиды, заалчат мирового господства, ведь нищие не знают меры!
Сотню лет Цзинь повелевала судьбами соседей, направляла их гнев на Юг и Запад, а у себя строила миллионные города и процветающие селения, преобразовывая страну рыбоедов и таежных охотников в разумную машину государства. Следом за Золотой Империей падут и заносчивые манзы, коварству научила Сунь, за людей не считая соседей. Цзинь пала еще до того, как захватчики прошли в край ее земли. Мэнгу принесли с собой в цветущий абрикосовый сад Золотой империи страшные болезни, чернотой и язвами скосившими его обитателей. Осажденные города, годами сидевшие за высокими стенами, съевшие всю живность и своих мертвецов, пали от тлетворного духа болезней. Манзы ушли, забрав с собой миллион ляней золота и серебра, всю бронзу и нефрит, а по зарастающим и искореженным дорогам Золотой Империи вслед за ними за горизонт на Юг разоренной страны ушли и варвары, оставив в горах банды свирепых изгоев и дезертиров, которым было все равно куда кочевать, чума их не брала, они сами были как болезнь. Страна обезлюдела, волки и тигры вышли из лесов, загрызая оставшихся в живых».
У местных еще остались представления о великолепных дворцах, массовых празднествах, когда красочно расцвеченные лодки со множеством гребцов наперегонки мчались по водам моря. Но не осталось желания обустроить государство, с его несправедливостью и насилием.
Русское царство - часть Великой Золотой Империи Чингисхана, от моря и до моря.Мы, славяне, широким серпом развернулись, оказавшись как накипь на окраине этой Империи. И кибитки наши кочевые застряли избами в болотах и дремучих лесах, протянувшихся от верховий Волги, Западной Двины, Днепра, Немана, Буга, Днестра, Лабы, Вислы, Дуная. Мы тот народ, что развернулся от Европы на Восток. И вот мы на берегу Татарского пролива и Океана по воле «татарина и либерала» графа Муравьева-Амурского, ежегодно уезжавшего отдохнуть из Сибири в Париж от трудов праведных.
До нас здесь была Золотая империя чжурженей, сотни городов, которые уничтожили воины Чингисхана, прежде чем направиться на завоевание мира - на Запад.